

Рон, казалось, ценил вещи лишь тогда, когда они исчезали. Его крыса Скабберс, например, пропала во второй день октября. Три недели Рон тосковал, выплескивая свою печаль на любого, кто соглашался слушать. Затем, словно по мановению волшебной палочки, он снова превратился в прежнего: весёлого, жаждущего игр и, возможно, даже полетов. Близнецы Уизли, словно воплощение хаоса, могли как ускорить, так и замедлить его взросление. С ними было трудно разобраться: они делали все одновременно, и лучше, и хуже, будто сам хаос обрел пару рук, которые ему полюбились. В то время, как Рон переживал свою "истеричку", как её стали называть, Гермиона, Невилл и Гарри проводили больше времени вместе, чаще всего в библиотеке. Невилл, спокойный и добродушный, мог часами рассказывать о зельях или гербологии. Гермиона, как и всегда, была поглощена книгами. Гарри же чувствовал родство с ними, когда дело касалось магии или приключений. Лаванда отказалась участвовать в задании мадам Сперл, но Гарри, наоборот, заинтриговал этот вызов. Ему казалось, что он слишком юн, чтобы придумать что-то ценное, но ему нравилось думать, как она хотела, чтобы они думали: каким может быть проклятие? Гарри перерыл множество книг, расспрашивал сплетников, даже общался с несколькими призраками замка. Профессорам Защиты, по его наблюдениям, не везло. Некоторые из них состарились и умерли естественной смертью, другие, молодые, погибли в результате несчастных случаев. Хуже всего было тем, кто не умирал, но страдал от хронических болезней. Были и странные случаи: одного профессора раздавила превратившаяся курица, другой, ступив на исчезающую лестницу, лишился ног и жизни, а третий, сунув палочку в карман, лишился задней части тела. Гарри, несмотря на смех друзей, волновался за них. Он был рад, что мадам Сперл пытается что-то изменить. В середине ноября произошёл неприятный инцидент. Гарри, практикуясь в молниеотводе на пятом этаже, столкнулся с Пивзом. Полтергейст не только потребовал, чтобы его атаковали молнией, но и объяснил, почему ему это нравится. Гарри никогда раньше не получал "разговоров", ни от дяди Вернона, ни тем более от духов. Но слова "Горшок" и "Гниль", которые Пивз употреблял, пытаясь объяснить, почему его нужно бить током, были ужасны. "Тингли" на языке Пивза рифмовалось со многими другими словами, ни одно из которых Гарри больше не хотел слышать. Слизь, которую полтергейст оставил на стене после того, как Гарри воспользовался фульменифером... Гарри стало плохо. Полтергейст дёргался не от боли, а от удовольствия. Это были не те вещи, которые Гарри должен был знать. Никогда. Он не мог узнать подробности полтергейстовой романтики... Гарри решил, что ему нужно изолировать полтергейста или держать его подальше от себя. Возможно, ему удастся уговорить Гермиону помочь, не объясняя, зачем именно ему нужно заклинание или чары. Он не хотел говорить об этом своей подруге. Ни в коем случае. Даже если бы он говорил о боли, которую полтергейсты испытывают за удовольствие. Все они были ужасны. К счастью, в Хогвартсе пока что был только один дух, преследующий Гарри. И он намеревался, чтобы так оно и оставалось. В декабре Гарри решил подписать проект по Защиты только своим именем. Он уговаривал Лаванду помочь, но она отказалась. Оценка ей была не нужна. Гермиона одобрила. Рон пожал плечами, но сказал, что Лаванда будет ненавидеть его за это. Вечность. Невилл сказал, что Лаванда должна узнать обо всем мире, а не только о том, что пишут в еженедельнике "Подросток-ведьма". Если из-за плохой метки родители будут на неё сердиться... это того стоит. Он также сказал, что Лаванда будет ненавидеть его за это. Навсегда. Гарри знал, что все они были правы. Но он все равно сделал это. Другие группы, которые Гарри знал в Гриффиндоре, работали не покладая рук. Гермиона и Симус предложили тест на проклятия, передающиеся по запаху зелья длительного действия. Профессор Защиты проводил в этом кабинете много времени. Рон и Парвати перелопатили несколько книг, но Рон опирался на то, чему, по его словам, он научился у своего старшего брата, который был специалистом по снятию проклятий. Рон и Парвати предложили создать предметы для наложения проклятий, подобные тем, что находят в египетских гробницах. Невилл и Дин работали усерднее всех, но в итоге Дин остановился на идее руны, скрытой за линией ложного раствора. Таким образом, большой камень будет казаться гораздо меньше, скрывая руну, наложенную на проклятие.

Гарри не мог понять, как кто-то мог бы незаметно изменить камень Хогвартса. Идея Гарри, которую он должен был признать своей собственной, тоже была связана с рунами, которые он надеялся изучить в следующем году на курсе "Древние руны". Он полагал, что проклятие - это руна, которая была спрятана где-то в замке, в одной из заброшенных комнат или коридоров. Это было бы совсем не близко к классу Защиты. К этой мысли он пришел, перечитав девятое издание книги "Хогвартс: История". Замок оказался гораздо больше, чем все они знали. Гарри обнаружил несколько мест, где целые части замка были фактически замурованы. Так было не всегда, и разнообразие занятий не всегда было таким ограниченным. Теперь все они готовились как универсалы: немного зелий, немного заклинаний, немного теории. Гарри пришёл на урок в тот день, когда нужно было выполнить задание. Лаванда подошла к нему. — Я тут подумала, Гарри... — Хорошо. — Я хотела сказать, что, по-моему, я буду тебе обязана, если ты позволишь мне написать свое имя на задании... — Я думал, ты сам придумал ответ. Я спросила и спросила, не хочешь ли ты помочь. Лаванда разрыдалась. Гарри никогда не видел, чтобы она плакала. Это было ужасное зрелище. Он не стал убегать от нее. Он хотел поговорить об этом сейчас, до начала урока, даже если все из Слизерина смотрели на Гарри и Лаванду как на особенно отвратительные, неудачные попытки зельеварения. Когда Лаванда остановилась, Гарри сказал: — Я сделал то, что ты просила. Я оставил тебя в покое и сам выполнил задание. Я бы посоветовал написать ваше имя на каком-нибудь пергаменте и что-нибудь записать. У тебя должна быть догадка. Гарри вошел в дверь. Он чувствовал себя как в аду. Ему хотелось сдаться и написать имя Лаванды в задании. Он не сделал этого. Он выполнил задание, а Лаванда - нет. Он не станет лгать. В комнату, опираясь на трость, вошла мадам Сперл. Ее хрупкая фигура, привычно склоненная над тростью, внушала уважение, но не жалость. Никто из учеников не верил в ее хрупкость. Может быть, тело ее было слабым, но ведьма могла полагаться на другие средства, на другие силы. — Передайте их вперед, — произнесла она, и Гарри послушно передал свои записи. Он заметил, что Лаванда не спешила делиться своими работами. Ему стало немного жаль ее. О чем она только думала? Мадам Сперл быстро пролистала работы, кивая или хмурясь, когда понимала суть. — Пусть Малфой и Дэвис выйдут вперед. Расскажите нам о своих гипотезах, — произнесла она, и двое учеников, как по команде, встали из-за парт. Малфой, как всегда, заставил Трейси Дэвис говорить первым. — Мы хотели бы, чтобы мадам Сперл проверила дверь, в частности, дверную ручку, на наличие проклятия. — Какого рода проклятие? Не существует одного заклинания для всех проклятий, — спокойно заметила мадам Сперл. — Я не знаю, — пробормотал Дэвис. — Мистер Малфой? — обратилась к нему мадам Сперл. — Гекс безумия, привязанный к человеку старше двадцати лет? — смело предположил Драко, глядя в ее пронзительные глаза. Мадам Сперл торжественно кивнула. — Значит, вы изучали историю своей семьи. Малфой из главной линии во Франции действительно использовал такое проклятие, чтобы увяли несколько второстепенных ветвей семьи. Я даже храню одну из дверных ручек в своей частной коллекции. Рад видеть, что вы любите историю своей семьи. Присаживайтесь, оба, — сказала она, и Малфой с Дэвисом вернулись на свои места.